

ix планка

★ ПОЛИНА ГЕЛЬМАН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**О боях,
пожарах
и друзьях-
товарищах...**

★ ПОЛИНА
ГЕЛЬМАН

ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

***О боях,
пожарищах
и друзьях-
товарищах...***

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1995

С любовью посвящаю памяти мужа
КОЛОСОВА Владимира Николаевича —
участника Великой Отечественной войны

Моим однополчанам — павшим во имя Победы
и дожившим до нее

ББК 63.3(2)722
Г32

ANNEX A

(RECAP)
1979
1979

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Гельман П.В., Герой Советского Союза.
Г32 О боях, пожарных и друзьях-товарищах... — М.:Изд-во
Мос. ун-та, 1995. — 45 с.

ISBN 5-211-03416-3

Штурман звена прославленного 46-го Гвардейского женского авиационного полка рассказывает о своих боевых подвигах, об их подвигах на фронтах Великой Отечественной войны.

002 95 — заказное

ББК 63.3(2)722

5-211-03416-3

Гельман П.В., 1995 г.
Редакционно-издательский совет Московского университета, 1995 г.

32101 034583896

ВОЙНА ВОРВАЛАСЬ В НАШУ ЖИЗНЬ В ОДНОЧАСЬЕ

Война ворвалась в нашу студенческую жизнь внезапно. Хотя мы знали, что схватки с фашизмом не избежать и готовились к ней: сдавали нормы на значок "Ворошиловский стрелок", учились стрелять из пулемета, оказывать первую помощь раненым, занимались спортом. Я за два последних школьных года (в 9-м и 10-м классах) успела окончить в аэроклубе школу планеристов, занималась в кружке парашютистов — прыгала с самолета и даже успешно закончила теоретический курс по самолетовождению. Уже подумывала о поступлении в авиационный институт.

На время увлечение авиацией отодвинуло на задний план мое увлечение общественными науками, мою давнюю мечту поступить на исторический факультет Московского университета. "Конфликт" разрешился сам собой летом 1938 года на аэроклубовском аэродроме: меня не допустили к самостоятельным полетам из-за... роста. Села в кабину и "утонула" в ней: ноги едва касались педалей, голова скрывалась в глубине кабины, что мешало нормально разглядывать горизонт. Инструктор с сочувствием посмотрел на меня и сказал: "Подрасти, если можешь...". А я, "обидевшись" на инструктора, а заодно и на авиацию, поступила на исторический факультет МГУ, о чем никогда не пожалела, ибо история, общественные науки всегда были моим истинным призванием.

Годы, проведенные в университете, были самыми интересными в моей предвоенной жизни. С увлечением слушала я лекции профессоров В.С.Сергеева, К.К.Зельина, будущих академиков С.Д.Сказкина, А.В.Арциховского и других преподавателей. Если к этому прибавить возможности приобщения к высокому искусству и культурным ценностям, которые открывала пред нами Москва с ее

1 мая 1941 года. Москва, ул. Герцена (у театра Революции). Студенты 3-го курса исторического факультета МГУ на демонстрации. Слева направо: Н.И.Летуновский — будущий участник Великой Отечественной войны, доцент исторического факультета МГУ; В.М.Селунская — будущий профессор исторического факультета МГУ; Л.М.Устинов — погиб на фронте; П.В.Гельман — будущий Герой Советского Союза, доцент Института общественных наук; С.А.Артемьев — будущий участник Великой Отечественной войны, профессор исторического факультета МГУ

музеями, театрами, библиотеками, то станет понятно, что, несмотря на скудость студенческого бюджета и интенсивность учебного процесса, жизнь нам казалась праздничной.

22 июня 1941 года праздник в одночасье оборвался. День был солнечным и безоблачным. Таким же радостным и безоблачным было у меня настроение. На следующий день предстоял последний экзамен за третий курс, а там — каникулы...

Но в полдень прозвучало слово "война". Мирная жизнь закончилась.

Я тут же ринулась в университет, на Моховую. Здесь уже, несмотря на воскресный день, собралась большая толпа студентов и преподавателей. Никто не остался дома. Стихийно формировались отряды защитников столицы. Даже маститые профессора записывались в народное ополчение.

Поздно вечером, около одиннадцати, в Коммунистической аудитории Московского университета открылось внеочередное ком-

сомольское собрание студентов. Электрического освещения не включали. Ораторы выступали при тусклом свете несколько свечных огарков. В задних рядах стояла сплошная тьма. Решение было кратким: все комсомольцы университета объявлялись мобилизованными на борьбу с врагом.

Но не так просто было реализовать это решение, особенно для девушек. В кабинетах военных комиссариатов и разных комитетов суровые люди в военной форме и гражданских костюмах отвечали: "Занимайтесь своим делом, учитесь, а там хватит мужиков. Война — не женское дело".

Не прерывая поисков возможностей попасть на фронт, мы включились в работу по обороне Москвы: дежурили на крышах домов при налетах вражеской авиации и участвовали в ликвидации последствий налетов. В составе студенческих отрядов выезжали на спасение урожая в угрожаемых районах Подмосквья и на сооружение оборонительных укреплений вокруг Москвы.

10 октября 1941 года мы, студенты московских вузов, рыли противотанковые рвы на подступах к Москве по Белорусской дороге. Работа подходила к концу, когда по рядам прошел слух о том, что в ЦК комсомола набирают девушек во вновь создающиеся авиационные части. Для вступления требовалось иметь направление из своих организаций. Я в то время была членом комсомольского бюро исторического факультета. С Белорусского вокзала направилась прямо в вузком МГУ. Там в тот день дежурила Ира Ракобольская. Мы с ней были хорошо знакомы, так как она в бюро физического факультета отвечала за тот же участок работы, что и я на историческом. Но было уже поздно, а Ира спешила туда же, куда направлялась я. Поэтому она не стала задерживаться, а мне посоветовала идти в ЦК без направления, что я и сделала. Впоследствии она всю войну была начальником штаба полка, в составе которого я воевала штурманом.

16 октября 1941 года, в день, когда немецкие войска вплотную подошли к столице, нас срочно погрузили в эшелон, в котором эвакуировали из Москвы штаб военно-воздушных сил. Женской авиачасти выделили несколько теплушек в нем. Все мои подруги по университету из мехмата и физфака, а также студентки технических вузов были зачислены в штурманскую группу. Студенток же гуманитарных факультетов планировали использовать в службах по обеспечению полетов.

Эшелон двигался по направлению к Саратову, где нас намеревались обучать авиационным специальностям в Энгельской шко-

ле военных летчиков. Тех же, кто имел таковые, — научить использовать свои знания в бою.

Поскольку мы двигались в противоположном от линии фронта направлении, наш эшелон подолгу задерживали в пути, часто на многие часы. Так произошло 24 октября, в мой первый “военный” день рождения, на станции г. Пензы, где находились в эвакуации моя мама с младшим братом. Весь день я посылала маме со спящими у эшелонов ребяташками и взрослыми людьми записки. Как потом выяснилось, до нее дошла лишь последняя записка — и очень поздно: когда мама с братом примчались на станцию, поезд уже ушел... Я тогда, конечно, ожидая их, проплакала весь день, но сбежать к маме не решилась. Во-первых, потому, что нам не был точно известен конечный пункт назначения. Поезд двигался без расписания, мог тронуться в любую минуту. Не хотелось отстать от эшелона после того, как затратила столько усилий, чтобы вступить в армию. Во-вторых, тогда я слишком буквально понимала приказы. В данном случае: приказ не отлучаться далеко от вагонов.

Не состоявшееся свидание с родными прибавило огорчение к тяготившей меня все это время в пути заботе о том, как попасть в группу штурманов, чтобы самой непосредственно летать на боевые задания. Решила обратиться в “высшую инстанцию” — к самой Марине Михайловне Расковой. Прославленная летчица (штурман) Герой Советского Союза майор М.М.Раскова была командиром нашей авиагруппы. Она была инициатором создания женских авиаполков, руководила их формированием и подготовкой.

Я, конечно, страшно трусила, ибо не знала, чем буду мотивировать свою просьбу. Ведь слово “хочу” в армии не аргумент. Но мне ничего другого не оставалось, и диалог с майором Расковой у меня сложился приблизительно такой:

— Хочу воевать, хочу летать. Я училась в аэроклубе...

— Знаю, что училась. С самолета прыгала — парашюты знаешь. Вот и будешь укладчиком парашютов. Пойми, Гельман, ты историк. Математики и физики не учила. Какой же ты штурман без этого?

— Научусь! Я еще школу не забыла. Отличницей была...

Раскова улыбнулась и спросила меня: “А рост позволит?”

— Позволит!

— Ну, раз позволит, иди на медицинскую комиссию. Признают годной, будешь штурманом.

На медицинской комиссии я про рост, конечно, не упомянула, а врачам летной школы и в голову не пришло измерять его. Перед кабинетом толпилось много народу, не до того было. Меня

признали годной к летной работе и зачислили в штурманскую группу.

А у Расковой и без моих забот дел было действительно невпроворот. Проблем было много, часто неожиданных. К примеру: после того, как мы были зачислены в штат, нам, естественно, выписали денежное довольствие (зарплату). Мы, привыкшие жить на студенческую стипендию, решили, что так как нас кормят, выдали униформу и обеспечивают жильем, несправедливо в такое трудное для Родины время получать еще от нее деньги. И попросили всю причитающуюся нам зарплату перечислять в фонд обороны страны.

Наше решение может показаться парадоксальным, особенно сейчас. Но Расковой оно тогда прибавило ко многим заботам еще одну: организовать среди личного состава разъяснительную работу по данному конкретному вопросу. В частности, разъяснить нам, что наша помощь будет далеко не лишней для наших семей в тылу.

Наряду с решением текущих проблем, Марина Михайловна главные усилия направляла на организацию интенсивного учебного процесса, с тем чтобы мы смогли в течение нескольких месяцев освоить курсы трехгодичных летных школ того времени. Она блестяще справилась с этой задачей! Мы ей активно помогали, ибо нам не терпелось как можно скорее попасть в действующую армию.

Сказать, что занятия у нас были интенсивными, значило бы ничего не сказать. Ведь кроме 12—13 часов аудиторных занятий необходимо было найти время для самостоятельной подготовки к следующему дню. А мы, штурманы, вдобавок еще по утрам поднимались за час до общего подъема, чтобы позаниматься “морзянкой”: потренироваться (“постукать”) на телеграфном ключе.

Цель наших усилий была достигнута: с первых месяцев 1942 года мы ждали приказа о вылете в действующую армию. Практический опыт и навыки нам предстояло набирать на фронте в ходе боевых действий.

Однако, опережая события, надо заметить, что полностью прекратить занятия на фронте тоже невозможно. Невозможно воевать в авиации без того, чтобы постоянно изучать по карте вечно меняющиеся районы боевых действий. Необходимо изучать новое оружие — свое и противника. Обязательными были занятия по изучению уставов и наставлений по производству полетов, в которые вносились коррективы, исходя из опыта войны.

Также обязательными были и политзанятия. В нашей эскадрилье отвечала за них я — “историк”. Но от них-то девочки чаще предпочитали отлынивать: сказывалась усталость. А меня тяготил груз ответственности. Я искала выход из положения. Не пойдешь

ведь жаловаться начальству на подруг! Помог мне случай. В станице Ивановской на Кубани нас разместили в здании школы. В разоренной библиотеке я наткнулась на две небольшие брошюры: "Диалектика Гегеля" и "Материализм Фейербаха". Взяв эти брошюры и прихватив заодно попавшуюся мне на глаза "Диалектику природы" Энгельса, я предложила девушкам создать для желающих из всех эскадрилий философский кружок. Чем не политучеба?

На первый сбор кружка собралось довольно много народа. Мы, хотя не очень компетентно, но с интересом и даже энтузиазмом обсуждали реферат бывшей студентки мехмата МГУ, штурмана Жени Рудневой о диалектике. Я готовила реферат ко второму занятию — по материализму.

Но вскоре события на фронте стали развиваться так стремительно, что вам было уже не до философии. Те из нас, кто дожид до Победы, вернулись к ней уже после войны, продолжая прерванную учебу в вузах.

НЕМЦЫ НАС ПРОЗВАЛИ "НОЧНЫМИ ВЕДЬМАМИ"

В течение трех лет на фронте я служила штурманом в женском бомбардировочном авиаполку, ставшем к концу войны легендарным 46-м Гвардейским, Таманским и дважды орденоносным. За эти годы мне довелось совершить 860 боевых вылетов. С тех пор прошло полвека, и, конечно, память не удержала подробности каждого из них. Но перед моим мысленным взором, очевидно, навсегда запечатлелись щупальца прожекторных лучей и вспышки и щелчки рвущихся вокруг открытой кабины снарядов. Однажды летом 1943 года, только выйдя из-под обстрела, я заметила в дне кабины пробоину, а рядом осколок снаряда, разрезавший аккуратно, как бритвой, голенище моего сапога.

Конечно, и мы пытались отстреливаться, и часто безуспешно. Но что мог сделать мой маломощный пулемет "шкас" против зенитных орудий и крупнокалиберных скорострельных пулеметов ("эрликонов")?

Нашим оружием были бомбы. Нередко вместо бомб нам подвешивали кассеты или мешки с боеприпасами, продовольствием и медикаментами для доставки высадившимся в тылу врага десантам или нашим частям, попавшим в окружение. Доставить этот груз было не менее сложно, чем долететь с бомбами до цели и прицельно отбомбиться.

На боевые задания мы летали ночью на небольшом тихоходном самолете, очень простом по конструкции. Его каркас состоял из деревянных планок, обшитых фанерой и перкалью, пропитанной эмалитом — веществом, которое придавало ткани прочность, но, к

сожалению, легко воспламенялось. Плексигласовые козырьки открытых кабин не защищали экипаж не только от пуль и снарядов, но и от ветра и непогоды. Немцы так и называли этот самолет — “рус-фанер”.

Вспоминается чувство разочарования и недоумения, охватившее нас, когда мы увидели присланную нам “боевую технику”. На ускоренных курсах в Энгельской школе военных летчиков мы изучали материальную часть современных по тому времени самолетов и навигационного оборудования. Собирались на них воевать и даже знакомились с опытом их применения в бою в первые месяцы войны. На летном же поле перед нами стояли до боли знакомые еще с аэроклубовских времен учебные самолеты У-2 (впоследствии По-2). С той же примитивной бортовой аппаратурой. Зато под фюзеляжем появились бомбодержатели, а в кабинах бомбосбрасыватели. Да еще за кабиной штурмана был прилажен упомянутый выше пулемет “шкас”.

Но разочарование быстро сменилось радостным оживлением: раз прислали материальную часть, значит близок вылет на фронт. Ведь мы рвались в бой с фашистами и готовы были лететь на чем угодно, хоть на помеле, как ведьмы. Недаром вскоре немцы прозвали нас “ночными ведьмами”. В такой своеобразной форме даже противник косвенно признавал, что наш скромный небесный тихоход способен наносить ему весьма ощутимый урон.

Мы об этом прозвище узнали значительно позже, когда перешли в наступление в 1943 году. Женщины из близлежащих от наших полевых аэродромов селений старались, чем могли, поделиться с нами и всегда говорили: “Какие вы красивые, девушки, а нам говорили, что вы страшные мужеподобные ведьмы”.

Но признание пришло не сразу. В последние дни мая 1942 г., когда мы прибыли в действующую армию, нас встретили без энтузиазма. 218-я авиадивизия, в состав которой был зачислен наш полк, была сильно потрепана в предыдущих боях. Ее командир полковник Д.Д.Попов и комиссар полковник А.С.Горбунов с нетерпением ожидали пополнение. Но узнав, что к ним летит полк на У-2, да еще женский, они совсем приуныли. Однако, как положено, явились на полевой аэродром встречать нас. Когда же девчонки, едва приземлившись, стали прыгать из самолетов и тут же на поса-

дочной площадке собирать полевые цветы, они, огорченные, повернулись и ушли. И какое-то время у нас не появлялись, поручив подготовку части к боевой работе начальникам соответствующих служб дивизии.

Вводить нас в бой для страховки решили постепенно: сначала экипаж командира полка, затем командиров эскадрилий, звеньев и, наконец, всех остальных.

Через год полковник Д.Д.Попов, вручая нам в числе первых в авиации гвардейское знамя, рассказал: «Для начала мы старались подобрать вам наименее укрепленные цели, боялись как бы не заплакали и не закричали — “мама”».

Но война есть война. В первую же ночь мы потеряли экипаж командира эскадрильи Любы Ольховской и штурмана Веры Тарасовой. И в ту же ночь у нас в полку родилась традиция. Вооруженцы, подвешивая бомбы к нашим самолетам, написали на них мелом “За Любу!”, “За Веру!” С тех пор до самого дня Победы мы писали на бомбах имена погибавших боевых подруг.

Вскоре обстановка на фронте изменилась. На нашем направлении немцы прорвали фронт под Харьковом, началось наше летнее отступление 1942 года. Было не до подбора “наименее укрепленных целей” для новичков. И никто не закричал “мама”.

Часто, ожидая команду на вылет, мы, чтобы скоротать время, собирались на старте у самолетов и тихо пели душевные песни. Особенно нам полюбилась новая тогда песня “Давай закурим!” В ней говорилось, о чем мы будем вспоминать после победы: “О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах”. Время подтвердило правильность этих предсказаний. Но мне лично война запомнилась еще и как тяжелый изнурительный труд. У нас в авиации боевые вылеты даже официально назывались боевой работой. Когда полк получал боевую задачу на ночь, на старт приглашались рабочие экипажи. Начиналась рабочая ночь. Ее продолжительность зависела от продолжительности темного времени, ибо только темнота позволяла нам укрыться от огня противника.

Любой боевой вылет на войне был поединком со смертью. Боевой же вылет на По-2 с точки зрения технических средств был неравным поединком и требовал огромных затрат физических сил и нервной энергии. Загруженный горючим и бомбами (мелькие осветительные и зажигательные бомбы мы брали в кабины и бросали вручную) По-2 превращался в буквальном смысле в “пороховую бочку”, ибо попадание в него любого осколка или пули часто грозило не простой пробойной, а взрывом. Маломощный мотор в 100

лошадиных сил не позволял при полной бомбовой нагрузке развивать скорость выше 100 км в час. На такой тихоходной "пороховой бочке" приходилось делать по пять, десять, а в длинные осенние и зимние ночи и больше вылетов за линию фронта.

Для любых самолетов очень сложно пересекать линию фронта — полосу плотного огня глубиной в 10—15 километров. Обычно боевые самолеты преодолевали ее за одну, две, максимум — три минуты. Мы же с нашей скоростью "болтались" над ней минут 10—15. Цели обычно также были сильно укреплены зенитными средствами. Отбомбившись, мы через ту же линию фронта возвращались на свой аэродром, вновь заряжались бомбами и горючим и вновь возвращались на цель. И так до рассвета...

Очень изнуляли нас, особенно в осенне-зимний сезон, долгие часы ожидания летной погоды на аэродроме в тяжелых меховых комбинезонах и унтах. Часто приходилось самим обеспечивать материальными средствами боевую работу. К примеру, весной 1943 года противник так быстро отступал, что наземные службы материально-технического обеспечения не успевали в распутицу подвозить боеприпасы, бензин и масло для моторов, продовольствие. Все это мы переправляли на полевые аэродромы на своих самолетах в предназначенные для отдыха дневные часы. Затем, не выспавшись, вылетали на боевое задание.

В одной небольшой станице мы, с трудом добравшись по распутице до стоянки самолетов, увидели, что колеса шасси наших машин увязли по оси в вязкой жиже. Даже включив мотор на полную мощность, невозможно было сдвинуть самолет с места. О взлете не могло идти и речи. Впервые полк оказался не в состоянии выполнять боевую задачу. Нужно было принимать срочные меры. Выход придумала наш командир полка Евдокия Давыдовна Бершанская.

С помощью технических служб БАО (батальона аэродромного обслуживания) был сооружен деревянный настил длиной 150 метров, с которого мы взлетали. Для нормального взлета настил был короток. Требовалось придумать способ включить мотор самолета на полную мощность на укороченной взлетной полосе. Его нашла майор Бершанская. Она приказала всем находящимся на старте налечь на плоскости и хвостовое оперение самолетов и держать до тех пор, пока мотор не наберет максимальные обороты. Потом по команде все отскакивали, и мы взлетали почти вертикально, будто на вертолете, о котором тогда и понятия не имели. При посадке нас таким же манером ловили и тормозили, чтобы самолет, соскользнув с настила, не зарылся пропеллером в вязкую жижу.

После такой тяжелой ночи самолеты нужно было развести по стоянкам и замаскировать от налетов дневной авиации противника. Конечно, нелегко было переносить самолеты с места на место по грязи. Колхозники, желая помочь нам, выделили быков. Но быки оказались бессильными преодолеть сопротивление вязкого месива. Пришлось нам продолжать переносить на своих спинах самолеты от стоянок к старту и обратно.

Да, война — это тяжкий труд. Но прежде чем продолжить повествование о фронтовых буднях нашего полка, хочется сказать, что нашему коллективу очень повезло — его возглавляла Евдокия Давыдовна Бершанская. Ей мы во многом обязаны нашими успехами в боевой работе. Она оказала большое влияние на наше нравственное и гражданское становление. Учила быть честными и целеустремленными не только в бою, но и в жизни. Она всегда, как и в упомянутом эпизоде с сооружением "взлетного тротуара", находила решение постоянно возникавших проблем. Теперь, с высоты прожитых лет, могу сказать: за всю свою долгую жизнь я не встретила более мудрого, чуткого, умелого и доброго руководителя, чем Евдокия Давыдовна.

Прекрасная летчица, она еще до войны командовала крупными подразделениями в "Аэрофлоте", а в годы войны единственная из женщин была награждена полководческим Орденом Суворова.

Мы очень ей верили и очень ее любили.

Скончалась подполковник Е.Д.Бершанская (Бочарова) в 1982 году.

О ДРУЗЬЯХ- ТОВАРИЦАХ

Несколько слов о моих дорогих фронтовых подругах.

Из всех республик нашей необъятной Родины пришли они добровольцами на фронт и в течение трех лет без выходных и отпусков выполняли свою напряженную, смертельно опасную боевую работу. Фронтовая дружба на всю жизнь сроднила наш многонациональный коллектив. И до сих пор согревает и поддерживает тех из нас, кто пережил войну и уцелел в вихре последующих жизненных бурь. Каждая из моих боевых подруг достойна многих добрых слов на празднике 50-летия Победы.

Первой, считаю, достойна упоминания мой командир звена Ира Себрова. Ее имя не очень часто упоминается в печати. А ведь скромная женщина-москвичка Ирина Федоровна Себрова на войне была поистине первой: она совершила свыше тысячи (1008) боевых вылетов — больше, чем кто-либо в нашей авиации. Ее удары по врагу отличались особой точностью и эффективностью. В марте 1942 года три самолета нашего полка после бомбометания попали в пургу и разбились. Два экипажа погибли. Экипаж третьего самолета И.Ф.Себрову и бывшую студентку мехмата МГУ Руфину Гашеву подобрали живыми рядом с обломками. Опытная летчица М.М.Раскова сказала тогда: "В подобных ситуациях в живых остается только один процент летчиков". Впоследствии Ира и Руфа были удостоены звания Героев Советского Союза.

В 1943 году в боях под Керчью самолет старшего лейтенанта И.Ф.Себровой был подбит. Сама она получила серьезную травму, но усилием воли сумела вслепую приземлиться на изрытую снарядами землю Керченского плацдарма.

Оба раза она отказывалась от госпиталя, боясь, как бы врачи не отправили ее в тыл.

Она до последнего дня войны вылетала на боевые задания, была награждена еще пятью высшими военными орденами и многими медалями.

После войны Ирина Федоровна продолжила учебу, трудилась. Создала дружную семью, вырастила дочь и внука.

Я пришла в полк вместе со своей самой близкой подругой — белорусской девушкой Галей Докутович. Наша дружба длилась до того момента (31 июля 1943 года), когда Галя сторела над целью вместе со своим самолетом. А началась она в 1933 году. 10 лет — небольшой срок. Но для меня это были наиболее яркие годы из моих детских и юношеских лет. Для Гали же это — половина жизни, вернее, вся сознательная жизнь. Ведь когда она погибла ей не было еще и 23-х¹.

Экипажи наши состояли из пилота, штурмана и наземного технического состава.

Первым моим командиром экипажа была веселая украинка Дуся Носаль, один из лучших и опытнейших пилотов в полку. Ей всегда поручали самые сложные и ответственные задания. Жизнерадостность и лихость сочетались у Дуси с высоким чувством ответственности. Вскоре ее назначили заместителем командира эскадрильи.

23 апреля 1943 года гвардии младший лейтенант Евдокия Ивановна Носаль была убита над Новороссийском очередью с вражеского истребителя. Самолет с ее телом доставила на аэродром начинающий тогда штурман москвичка Глафира Каширина. Вскоре и она погибла при выполнении боевого задания.

24 марта 1943 года Евдокии Ивановне Носаль было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Она первая из женщин-летчиц была удостоена этого звания в годы Великой Отечественной войны.

Затем я летала с замечательной летчицей татаркой Магубой Гусейновной Сыртлановой. Магуба (или Марта, как мы ее называли) прибыла к нам в полк в начале 1943 года и свой первый боевой вылет совершила в день, когда нашему полку вручили гвардейское знамя. В тот день она сказала мне: "Мне нужно много сделать, чтобы оправдать звание гвардейца. Вы, ветераны полка, совершили уже по 200 боевых вылетов, а я только начинаю. Нужно навер-

¹ О Гале Докутович см. на с. 22-29.

стать". И она наверстала. Да еще как! Магуба была очень волевым человеком, очень скоро стала одной из лучших летчиц в полку и в числе самых отважных и умелых была удостоена звания Героя Советского Союза. Поражали ее выдержка и самообладание в полете и на земле. Быть может, потому мне запомнился случай, когда она не совладала со своими эмоциями. В ночь с 17 на 18 апреля 1943 года нашей целью были склады с боеприпасами на окраине станицы Крымская под Новороссийском. Ночь была темная, земля почти не просматривалась. Цель находилась недалеко от линии фронта и слабо освещалась от перестрелки наземных частей. Мы прицелились и отбомбились. Через несколько мгновений взметнулось пламя, и мы увидели характерные вспышки от рвущихся на земле боеприпасов. Из-за шума мотора грохот взрывов не был слышен. Скромная и сдержанная Магуба не смогла скрыть своих эмоций. Она ликовала. И это понятно, ведь нам, ночникам, нечасто приходилось наблюдать так зримо результаты своей работы.

Заканчивала я войну в экипаже русской летчицы Раисы Ермолаевны Ароновой. О Рае Ароновой без особого трепета писать не могу. Ведь вместе с ней в одном самолете мы совершили более пятисот боевых вылетов. Как поется в песне, нас сдружило небо, общие бои...

Рая была прекрасным летчиком. Реактивная, иногда излишне горячая в жизни, она была удивительно сдержанна и хладнокровна в воздухе. Не терялась в сложной обстановке, в лучах прожекторов, в обстреле. Быстро принимала решения. Точно и четко выполняла задания. Сначала штурманом, а затем пилотом она совершила почти тысячу (960) боевых вылетов.

Весной 1943 года шли упорные бои на "Голубой линии" — сильно укрепленном рубеже врага, прикрывавшем подступы к Таманскому полуострову. Рая была тяжело ранена. После операции она досрочно уехала (сбежала) из госпиталя и на попутных машинах добралась до полка. Сразу же включилась в боевую работу. В это время полк понес значительные потери, ощущалась нехватка летного состава. Рая, еще не оправившись окончательно от ранения, стала параллельно с боевой работой переучиваться на летчика-ночника. После недолгой тренировки она пересела из штурманской кабины в пилотскую. До самого дня Победы не оставляла Рая штурвала самолета. А штурманскую кабину заняла я — мы стали экипажем. Вместе радовались удачам и огорчались при неудачах. Нас объединяли не только общие полеты, но и многие неслужебные увлечения. Например, литературные пристрастия. Еще летая в разных экипажах, мы вместе сочинили сатирические "Фрески о наших

буднях", которые с неизменным успехом исполняли наши самодеятельные артисты.

Впоследствии нам с Раей одним указом было присвоено звание Героев Советского Союза.

Раиса Ермолаевна Аронова была увлеченным человеком. Бескомпромиссно отвергала любые проявления ханжества и лицемерия.

Она была разносторонне талантлива. Обладала приятным голосом. В ненастные ночи ее песни скрашивали нам на фронтовых аэродромах тягостное ожидание прояснения в небе и соответственно команды на вылет. Успехом пользовались ее песни и на полковых вечерах самодеятельности.

В послевоенные годы ярко проявился литературный талант Раи. Она стала членом Союза журналистов СССР. Писала стихи, очерки. Ее книга "Ночные ведьмы", рассказавшая миру о подвиге моих однополчанок, выдержала несколько изданий в нашей стране и за рубежом.

Рая не прекращала литературную работу до последних дней. Из жизни ушла в 1982 году, буквально не выпуская из рук пера: сыновья нашли среди вещей у ее смертного одра тетрадь с записями последних дней и часов жизни.

Обслуживали самолеты наших экипажей в разное время механики ростовчанка Катя Бройко, москвички Алла Ирлина и Глафира Каширина и мастера по вооружению и спецоборудованию Нина Бузина, Зина Вишнева (девушка с "Трехгорки"), Рахима Орлова и Анна Колокольникова.

Как бы ни уставали они за ночь, обслуживая на старте боевую работу летающих экипажей, сколько бы пробоины и поврежденные ни привозили мы из боя, к следующей ночи материальная часть самолета и вооружения всегда была в исправности.

Весь коллектив, его летно-подъемная часть и наземные службы, постоянно искали пути рационализации боевой работы.

При существовавших в те годы технических условиях много времени и сил занимала подготовка выходящих из боя самолетов после приземления к очередному вылету. Как требовали наставления, ответственный за материальную часть механик обязан был с фонариком осмотреть приземлившийся самолет, заправить его мотор горючим с маслом, проверить, как подвешены бомбы, и лишь после этого выпустить самолет в воздух. Все эти операции длились не менее 20 минут. В это время летный экипаж докладывал на командном пункте о выполнении задания и о положении на поле боя.

Командование полка одобрило родившуюся в коллективе инициативу о переходе к бригадному обслуживанию самолетов на старте. Не успевал самолет приземлиться, его с фонариками окружали механики, мастера по вооружению и оборудованию, проверяя, все ли исправно. Одновременно подвешивались бомбы, заряжались пулеметы, заправлялся мотор. Работники штаба тут же, у кабины, опрашивали летный состав о выполнении задания.

Все это занимало 5—7 минут. В этом, очевидно, состояла одна из причин высокой результативности нашей боевой работы. Каждый экипаж успевал сделать за ночь на 2-3 вылета больше, чем в других частях.

Искренняя дружба и взаимовыручка, вера в боевых друзей были залогом наших боевых успехов.

Честное, самоотверженное исполнение долга было нормой в нашем коллективе. Так было в трагическую для нашего полка ночь под 1 августа 1943 года. Вражескими истребителями были подожжены 4 наших самолета, и в воздухе сгорели восемь девушек, восемь наших боевых подруг.

Ночью летать на наших самолетах группами или строем было невозможно. Выпускали экипажи один за другим с интервалом в 3-4 минуты. Когда стартовал последний самолет, первый уже возвращался, чтобы, заправившись, вновь лететь на цель. Таким образом, в районе цели одновременно находилось много экипажей, но каждый из них был автономен.

В ту ночь цель находилась южнее станицы Киевской на Кубани. Неподалеку барражировали вражеские истребители, а по небу шарили лучи прожекторов. Только позднее стало известно, что для борьбы с нами, ночниками, с западного фронта была переброшена эскадрилья ночных истребителей. Поэтому молчала зенитная артиллерия врага, что нас, кстати, удивило. Разгадка наступила, когда, подлетая к цели, мы увидели, как вслед за бомбами на землю рухнул освещенный прожекторами объятый пламенем По-2.

Наши экипажи из-за отсутствия радиосвязи не могли сообщить на командный пункт о случившемся. А боевую задачу положено выполнять. И самолеты один за другим заходили на цель и, подожженные, падали вслед за бомбами. Но ни один экипаж не свернул с курса.

Так произошло и 11 января 1945 года. В то время наше главное командование готовило Висло-Одерскую наступательную операцию. Готовились к ней и мы. Изучали район предстоящих боевых действий на чужой территории.

При подготовке крупных военных операций учитываются все условия, в том числе и прогнозы погоды. Ибо без авиации широко-масштабные военные действия невозможны. Как впоследствии нам стало известно, начало наступления намечалось на 20 января. Но в силу непредвиденных обстоятельств — необходимости спасти от разгрома группировку англо-американских союзников в Арденнах, где провалилось их преждевременное (до начала оговоренного срока) наступление, — Советской Армии пришлось начинать наступательные действия досрочно, не считаясь с неблагоприятными погодными условиями.

Но как быть без авиации? Решили послать ночников, имеющих опыт полетов при отсутствии видимости. Однако командованию да и нам было известно, что отсутствие видимости было односторонним: земля сверху почти не просматривалась, самолет же с земли был виден отлично. Поэтому наше появление при свете дня над полем боя на По-2 с его скоростью и высотой было бы сродни тому, что делали японские камикадзе. Лететь предложили только добровольцам. Записался весь летный состав!

Таковы были мои друзья-товарищи, готовые на любые жертвы, чтобы приблизить нашу Победу.

Конечно, ночь накануне предполагавшегося дневного вылета

Лето 1944 года, лес под Скиделем (Белоруссия). Будущие Герои Советского Союза (слева направо) Татьяна Макарова (погибла при освобождении Польши), Вера Белик (погибла при освобождении Польши), Полина Гельман, Екатерина Рябова, Евдокия Никулина, Надежда Попова

на задание была не самой веселой в нашей жизни. Ведь победа была так близка! А мы были так молоды!

Разбудил нас рев моторов. Это шла в бой мощная дневная авиация, так как на наше счастье к утру небо прояснилось. Мы вылетели вечером.

Раздел о моих фронтовых подругах хочу завершить очерком о жизни и судьбе самой близкой из них — Гали Докутович.

В 1933 году у нас в пятом классе гомельской школы № 1 появилась "новенькая" — высокая, смуглая, худенькая девочка с ярким румянцем на щеках. Это была Галя Докутович.

Мы с ней очень быстро подружились, сели за одну парту и с тех пор были неразлучны.

Впоследствии Галя, вспоминая школьные годы, записала в своем дневнике: "...случилось так, что на литературном кружке, где много и горячо говорили о творчестве Мольера, сошлись и подружились маленькая голубоглазая Полинка с высокой, худенькой черноглазой девчонкой... Галкой... Дружба эта была такой, когда одинаково думают, говорят одинаковыми словами, переживают и волнуются по одним причинам. Все уроки в школе — рядом, после уроков на заседании учкома — снова вместе. Без конца провожали друг друга от дома к дому и часами весело болтали"². Эта запись была сделана 24 сентября 1942 года в Ашхабадском госпитале, где Галя находилась на излечении после тяжелой травмы.

Галя была ярким и неординарным человеком. В ней совмещались, казалось бы, взаимно исключаящие друг друга черты. С одной стороны, она была лирична, любила музыку, поэзию. Даже на фронте наряду со штурманскими принадлежностями у нее в планшете всегда лежала тетрадь для записей, куда она заносила приходившие в голову мысли и стихи (свои и чужие). Мне иногда кажется, что, не уйдя она так рано из жизни, она могла бы стать незаурядным литератором.

Одновременно она была очень организованным, целеустремленным и дисциплинированным человеком. Требовательным к себе и другим.

Меня всегда поражала в ней ее настойчивость и упорство в

² Галина Докутович. Сэрца і крылы. Мінск, 1957. С. 44.

достижении цели и счастливая способность ко всему, к чему она стремилась.

Она увлекалась спортом и стала одной из лучших гимнасток Гомеля. В 1935—1937 годах неоднократно занимала призовые места среди школьниц на республиканских гимнастических соревнованиях.

Она любила музыку. И уже учась в восьмом классе, поступила в музыкальную школу. Дома у нее инструмента не было, пришлось там же в школе готовиться к занятиям. Она преуспела и в этом: за один год прошла курс первых четырех классов по фортепьяно.

Однако вскоре Галя оставила музыкальную школу, подавшись более сильному чувству — увлечению небом. Мы учились в девятом классе, когда на всю страну прозвучал призыв Родины: "Молодежь, на самолеты!", и, конечно, среди первых явились в аэроклуб. С тех пор авиация стала главным увлечением Гали, ее судьбой.

Незадолго до окончания школы мы прочли в "Комсомольской правде" стихотворение московской школьницы, очень точно отражавшее наше восприятие жизни. Галя записала в свой дневник его первую строфу:

Я стою перед жизнью,
огромной и сложной,
В эту жизнь я завтра должна
вступить.
Сколько радостных чувств
и огромного счастья
Для меня в этом маленьком
слове — "жить"!

Наша жизнь была наполнена делами, было нелегко, но интересно. Зимой школа и аэроклуб, летом — сначала планеродром, а затем аэродром. Были еще речка Сож и прекрасный старый парк.

Недолгие часы досуга мы предпочитали проводить с саду у Галиной бабушки, а чаще у меня дома. Галины родные, опасаясь, как бы чего не случилось с единственным ребенком в семье, не хотели мириться с ее занятиями в аэроклубе. Полное понимание во всем мы находили у моей мамы. Галя ее очень любила, почти ежедневно приносила ей огромные букеты цветов из бабушкиного

сада. Моего младшего брата считала своим братишкой, поскольку своих братьев и сестер у нее не было. А мою маму считала своей второй мамой. "Моей второй матерью, — писала она в своем дневнике, — была мама Поли. Полная, средних лет женщина, очень простая и умная. Очевидно отчаянная в свое время, она как-то притягивала к себе"³.

Уже после войны (в конце 60-х годов) мне прислали из Гомельского краеведческого музея копию Галиного письма к подруге из ее первой школы, написанного летом 1937 года в часы нашего совместного дежурства на планеродроме. В восторженной, свойственной юной девушке манере она рассказывает о нашей с ней дружбе. И заключает комплименты в мой адрес следующим абзацем: "Мать у нее такая замечательная женщина, что трудно описать. Мой идеал матери нашел свой живой образ в Полиной маме".

В то лето, 25 августа 1937 года, мы впервые прыгали с парашютом с самолета. Одна за другой, с одного и того же самолета. Приземлившись на краю картофельного поля, я посмотрела в небо и увидела, как от вновь набравшего высоту самолета отделяется следующий парашютист. Это была Галя. Мы были счастливы.

Летом 1938 года после завершения теоретического курса по самолетовождению в аэроклубе началась летная практика. Галя первая из учлетов⁴ вылетела на самолете самостоятельно и отлично закончила учебную программу. Окончив с отличием 10 классов, она поступила в Московский авиационный институт. В Москве продолжала тренироваться в аэроклубе: летала, занималась парашютным спортом.

Начало Великой Отечественной войны застало Галю в спортивном лагере, где шла подготовка к авиационному параду в Тушино. Она готовилась к участию в групповом прыжке с самолетов.

Парад не состоялся — началась война. Спортсмены включились в работу по обороне Москвы.

Весть о наборе девушек в военную авиацию до МАИ дошла раньше, чем до университета. Поэтому, когда я приехала к Гале, чтобы сообщить новость, она уже была в курсе дела и даже успела

³ Там же. С. 45.

⁴ Учлет — ученик летчика.

1938 год. Гомель. Галя Докутович и Полина Гельман. Школа окончена. Прощай, старый парк, — завтра в Москву на учебу

занастись направлением. Мы отправились к месту формирования авиагруппы майора Расковой.

Галю зачислили в штурманскую группу, где вскоре оказалась и я. Она занималась с большим упорством. Настойчиво добивалась поставленной цели: в совершенстве овладеть штурманским делом. Была пунктуальна и дисциплинирована до педантизма.

Ее способности, организованность и высокое чувство ответственности за порученное дело не остались незамеченными, и она была назначена старшиной штурманской группы. Затем, при формировании 588 полка ночных бомбардировщиков, Галю назначили адъютантом эскадрильи. Она восприняла это как катастрофу. Ведь она хотела летать, бить врага, а тут — штабная работа. Мало кто из наших девушек знал, как глубоко переживала Галя это назначение. Все-таки ей удалось выпросить для себя возможность летать на боевые задания. Но от должности адъютанта ее на освободили. А игнорировать должностные обязанности было не в ее характере. Пришлось разрываться между организационно-административной работой и дежурствами на старте в одни ночи и полетами на задания — в другие! Однажды она не выдержала и пожаловалась мне: "Вот скажи, почему судьба так жестоко обошлась со мной? Почему так получается — ты не особенно увлекалась авиацией, для тебя превыше всего была история, а сейчас ты имеешь свой экипаж,

регулярно летаешь на задания? Я же вынуждена “вымаливать” каждый полет, скитаться по разным самолетам”. Я как могла утешала ее, искренне убеждала, что, хоть она и мало летает, ее считают одним из лучших и самых храбрых штурманов в полку. И это была правда.

Через месяц с небольшим после нашего прибытия на фронт (летом 1942 года) началось стремительное наступление немецко-фашистских войск к Северному Кавказу. Мы отступали с боями — бомбили рвущиеся к нашей нефти танковые колонны врага. Прорыв противника был, очевидно, неожиданным, и на нашем направлении оказалось недостаточно снаряжения и вооружений. Не было и всех нужных карт. Иногда при постановке задачи устно указывали только общее направление полета и пункт приземления. Часто не успевали мы приземлиться на предполагаемом аэродроме, а нам уже предлагали лететь дальше на юго-восток, так как приближались танки противника. Кстати, из-за этой неразберихи мы потеряли два экипажа. Не имея карт незнакомой местности, они столкнулись с горой и разбились. Не хватало также личного оружия. Пистолеты выдавали только летающим на задания экипажам, чтобы можно было отстреливаться в случае вынужденной посадки или других чрезвычайных обстоятельств. Ситуация была напряженная. Постоянно менялись посадочные площадки. До предела изматывался не только летный, но и командно-технический состав, обеспечивавший полеты на боевые задания и организованное движение полка в заданном направлении.

В этой сумятице в одну из июльских ночей с Галей стряслась страшная беда. Она дежурила на старте и в ожидании прилета очередных экипажей прилегла передохнуть на краю аэродрома. Шофер спешившего на старт бензозаправщика не заметил лежащую девушку... У Гали был серьезно поврежден позвоночник. Приземлившись, я подбежала к ней. Она лежала беспомощная на носилках. Исчез яркий румянец, всегда игравший на ее щеках. Лицо бледное. По глазам было видно, как она страдала от боли. Подошла Ира Ракобольская. И тут Галя удивила всех стоявших поблизости. “Товарищ начальник штаба, — обратилась она к Ире, — дайте мне честное слово, что, когда я вернусь в полк, вы больше не назначите меня адъютантом”. У нас не было уверенности, довезут ли ее живой до госпиталя, а она уже думала о своих будущих полетах.

Требовалось срочно эвакуировать Галя в госпиталь. Необходима была неотложная медицинская помощь. Кроме того, мы не были гарантированы от внезапного прорыва фашистских танков. Наши самолеты не были приспособлены для перевозки людей в

лежащем положении, сестра же Галя не могла из-за травмы позвоночника. Пришлось дожидаться санитарного самолета. А он все не летел.

У меня сердце, как говорится, разрывалось на части. Была команда на боевой вылет. Но как же я могла оставить подругу в таком беспомощном состоянии? Тогда я сделала то единственное, что могла сделать для нее в тех обстоятельствах: не задумываясь, вынула из кобуры свой “наган”, положила его у изголовья Гали, а сама отправилась в полет. Летала я в ту ночь с тревогой в душе — думала о положении Гали и надеялась, что ей не придется воспользоваться “последним патроном” из моего “нагана”. Немного тревожилась и о том, как бы меня не сбили именно в ту ночь. Ведь со мной не было “нагана”, “последний патрон” которого гарантировал от более страшной беды, чем гибель, — от фашистского плена.

К счастью, в ту ночь “наган” не понадобился ни мне, ни Гале: вскоре прилетел санитарный самолет и увез ее в госпиталь. В госпитале Галя по-прежнему не теряла волю к жизни, веру в себя. Лишившись возможности двигаться, она вела дневник, писала очерки, стихи и рассказы. И все у нее получалось хорошо.

Через полгода Галя вернулась в полк. Никто, кроме меня, не знал, что у нее в кармане лежало отпускное удостоверение на шесть месяцев — поврежденный позвоночник нуждался в дальнейшем продолжительном лечении. Галя взяла с меня слово, что я не выдам ее тайны.

Она стала летать на боевые задания. Летала с жадностью, с радостью, с вдохновением. Полк находился в то время на Северном Кавказе, а затем на Кубани. Стояла южная зима со слякотью и мокрым снегом. Полеты были трудные, сложные. Непогода, усталость и незажившая травма изматывали Галя. Я с тревогой наблюдала за ней. После тяжелых боевых ночей она страдала от боли. Но старалась ничем не выдавать себя. И даже находила в себе силы в немногие свободные от боевой работы часы готовить к выпуску литературный журнал нашей эскадрильи. Галя была не только автором многих материалов журнала — очерков, стихов, — но и главным его редактором. И даже техническим исполнителем: она написала его от руки. Галя успела выпустить только один номер журнала. С гибелью Гали его выпуск прекратился сам по себе.

Погибла Галина Ивановна Докутович в ту страшную ночь на первое августа 1943 года, когда вместе с самолетами сторели четыре экипажа — восемь наших подруг.

Она беззаветно любила Родину и небо. И сторела в небе Родины, защищая ее от захватчиков.

Сообщая ее матери о гибели Гали, я написала, что если доживу до Победы и у меня будет дочь, я назову ее Галей. Слово свое я сдержала. В 1974 году моя дочь Галя окончила исторический факультет МГУ.

Р.С. Хранившиеся в моем рюкзаке Галины дневники и тетрадь ее стихов я не решилась доверить военной почте. После войны я передала их Галиной маме. Она в свою очередь отдала их на хранение в Белорусский музей Отечественной войны в Минске. У меня же остались лишь копии Галиных стихов, посвященных лично мне. Они далеко не совершенны. Ведь Галя не была профессиональным поэтом. Но они точно отражают мироощущение автора. Поэтому я хочу приложить некоторые из них к рассказу о Гале Докутович.

Первое сохранившееся у меня Галино стихотворение датировано 24 октября 1940 г. Это был мой последний довоенный день рождения. Возвратившись поздно вечером в студенческое общежитие на Стромынке из библиотеки, я обнаружила на своей койке спящую Галю, а на тумбочке под флаконом "Красной Москвы" следующее послание:

24.10.40 г.

Мой милый друг, подруга дорогая!
Жму руку, поздравляю от души!
Пусть никогда судьба — недоля злая
Дней молодых твоих не омрачит.

Пусть жизнерадостность, как солнце, озаряет
Дни будние учебы и труда.
Пусть мозг и сердце устали не знают.
Грустить и тосковать же — никогда!

*Паиковская, 16 апреля 1943 г.
(после возвращения из госпиталя)*

П.В.Г.

Промчалась юности счастливая пора,
Прошли неповторимо молодые годы.
Мы дружбу пронесли, мой друг, моя сестра,
Через бои, и стужу, и невзгоды.

И в светлой памяти остался старый парк
В тени густых берез и кленов над рекою
И наш любимый уголок в саду в цветах...
Ну как забыть все это нам с тобою?

Прошли года. Мы выросли совсем
И даже, кажется, немного поумнели.
Однако до сих пор я не пойму — зачем
Так быстро мчатся дни и так бегут недели?

А вот стихотворение, написанное ровно за месяц до трагической гибели Гали. В ту пору мы много говорили о смысле жизни. Вообще о жизни. Верили в скорую победу и мечтали о будущем.

*30.06.43 г.,
Ивановская*

Что на память тебе написать?
Пожелать бы так много хотелось!
Да что толку бумагу марать!
Так скажу: Чтоб от пуль уцелела,

Чтобы светлая юность твоя
Для тебя не осталась лишь сказкой,
О которой, тоску затая,
Вспоминают и с грустью, и с лаской.

В наши, пусть они трудные, дни
Жизнь становится глубже и ярче.
Ты послушай, ты только взгляни —
У кого была молодость жарче?

А ведь в этом и счастье, мой друг,
Что не жаль тебе даже и жизни,
Что ни разу не дрогнул в бою,
От врагов защищая Отчизну.

ОБ ОГНЯХ-ПОЖАРИЩАХ И БОЯХ НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

Фронтальная жизнь авиационного полка — это постоянная смена мест базирования, потери друзей, вечный бой... Из калейдоскопа событий и обстоятельств память чаще всего выхватывает случаи необычные или курьезные. Есть вещи, которые человек, пока жив, никогда не забудет. Моим первым потрясением были картины горящей родной земли. Мы с боями отступали к предгорьям Кавказа, бомбили наступающие по дорогам танковые колонны противника, а под нами горела Сальская степь: чтобы не оставить урожай врагу, его подожгли. В те горькие ночи лета 1942 г. наша житница была золотой не от золота пшеницы, а от огня. Горела родная земля, и слезы сами собой навертывались на глаза.

До сих пор у меня мурашки начинают бегать по спине при воспоминании о "встрече" над Кубанью тихой южной ночью 1943 г. Мы с Раей Ароновой летели на задание над территорией, занятой нашими войсками. До линии фронта было еще далеко, и мы несколько ослабили внимание. Вдруг нас встряхнуло и оглушило воздушным вихрем и ревом искрящихся моторов пролетавшего над нами встречным курсом над нами лоб в лоб четырехмоторного немецкого бомбардировщика. Очевидно, он тоже летел на бомбометание, только по нашим объектам. Этот эпизод послужил нам серьезным уроком, последний раз напомнив, как важно быть внимательным в полете.

В течение долгих десятилетий после войны мне снился один и тот же сон: будто бы мой самолет попал в лучи прожекторов и мы никак не можем вырваться из лучей, а вокруг рвутся снаряды. Просыпалась с облегчением, но в холодном поту. Пожалуй, для нас прожектора были даже страшней снарядов. Во-первых, они ослепляют, что неизбежно грозит потерей пространственной ориентации самолета в воздухе, а следовательно, и катастрофой. Во-вторых, очень неуютно оказаться среди окружающей тьмы освещенной обстреливаемой мишенью. Мы научились совместными усилиями пилота и штурмана вырваться из огненных шупалец.

В этой связи мне вспоминается один не самый славный мой боевой вылет. Я уже упоминала, что мелкие бомбы мы на нашем "сверхсовременном" самолете возили на дне кабины. Над целью вручную снимали предохранитель со взрывателя и бросали бомбу за борт.

В одну из ночей на "Голубой линии" под Новороссийском мы с Катей Пискаревой уже подходили к цели, и я, чтобы убедиться, что под нами точно наша цель, решила бросить осветительную бомбу ("свечку"). Сняв предохранитель со взрывателя, я хотела тут же выкинуть бомбу за борт, но ее стабилизатор запутался в ремешке краг, висевших у меня на шее⁵. В этот момент нас поймали прожектора и нещадно стали обстреливать зенитки. А в запасе всего 10 секунд, ибо механизм взрывателя уже приведен в действие. Пилот Катя Пискарева, чтобы не быть ослепленной, не может оторвать взора от приборов. Я должна следить за направлением обстрела и командовать пилоту, куда "бросать" самолет. Но вместо этого я "борюсь" с готовой взорваться у меня в руках бомбой. Катя кричит в переговорный аппарат: "Полина, ты жива?" У меня для ответа нет времени. В отчаянии срываю с себя ремешок, швыряю бомбу вместе с крагами за борт, облегченно вздыхаю и по возможности спокойно команду: "вправо, влево" и т.д. Когда вышли из обстрела, пришлось объяснить возмущенной Кате ситуацию. "Инцидент" был улажен. Но я осталась без краг. Впрочем, если бы бомба взорвалась у меня в руках, они бы мне больше не понадобились...

⁵ Мне было неудобно работать в шерстяных перчатках, поэтому над целью я работала голыми руками, а затем отогревала оковеневшие пальцы в меховых крагах.

Отработанные в предыдущих боях навыки бомбометания по точечным целям сыграли решающую роль в успехе эльтигенской операции.

Поздней осенью 1943 года на берегу Керченского пролива в окруженном горами рыбацком поселке Эльтиген высадился небольшой десант нашей морской пехоты. Противник блокировал его со всех сторон. На окружающих поселок высотах он расположил свои батареи и крупнокалиберные пулеметы. Вдоль берега сновали его торпедные катера. Помочь окруженной части можно было только с воздуха.

Погода же практически была нелетной. Над проливом нависали беспокойные низкие облака, освещенные сверху луной. Самолет просматривался на их фоне как на экране, его болтало. Пулеметная очередь со спящих по проливу катеров в любой момент могла сбить в море.

К тому же в туманной дымке кромка суши едва просматривалась. Чрезвычайно сложно было отыскать небольшой пятачок школьного двора, где окопались десантники, и под боковым огнем с окружающих высот сбросить необычный для нас груз: на бомбодержателях висели мешки с боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Нужна была снайперская точность, чтобы груз не попал к противнику.

Операция длилась почти месяц. Десанту было доставлено все необходимое, чтобы прорваться из окружения и соединиться с нашими частями на Керченском плацдарме.

Много лет спустя бывший командир десанта Герой Советского Союза генерал-майор Василий Федорович Гладков писал в своей книге "Десант на Эльтиген"⁶: "...громкоговорители из вражеских окопов кричали: «Вы обречены на голодную смерть... Вы в блокаде... Приходите завтракать... Никто вам не поможет»".

Нам помогли "ночные ведьмы".

Пусть не рассердятся на меня летчицы из 46 Гвардейского Таманского орденов Красного Знамени и Суворова ночного легкобомбардировочного авиаполка за то, что я вспомнил, как их прозвали фрицы... Немцев они бесили. Для нас, десантников в Эльтигене, они были самыми дорогими родными сестрами. Мы стали получать с Большой земли пусть в ограниченном количестве, но все, что

⁶ Гладков В.Ф. Десант на Эльтиген. М., Воениздат, 1961. С. 109.

нужно: боеприпасы, продукты питания, медикаменты, одежду. Прекрасный пример взаимодействия и выручки в бою! А то, что рука, оказывающая помощь, была девичья... каждый фронтовик понимает, что это означало для нас..."

Тяжело терять друзей. Особенно тяжело, когда они гибнут рядом, а ты не в силах им помочь. Целая жизнь прошла после окончания войны, но никогда не проходит горечь при воспоминании о безуспешных попытках прийти на помощь гибнущим подругам.

Весной 1944 года над целью сгорела штурман нашего полка, моя давняя приятельница по Московскому университету Женя Рудиева, поэтичная, одаренная девушка, уже в студенческие годы показавшая себя талантливым астрономом.

В ночь на 9 апреля мы получили задачу бомбить противника на Керченском плацдарме. Перед взлетом к нам подошла Женя, вылетавшая впереди нас, протянула мне свою последнюю фотографию с надписью на латыни: "Помни об университете!" — и направилась к своему самолету. Больше мы ее не видели...

Подлетая к цели, мы с Раей Ароновой увидели, как в луче прожектора бьется, стараясь уйти из-под огня, обстреливаемый трассирующими снарядами из "эрликона" самолет. В нем была Женя. Мы рвались на помощь. Рая старалась выжать все возможное из мотора, чтобы хоть на миг быстрее приблизиться и подавить огонь врага, я не отнимала рук от бомбосбрасывателя, чтобы хоть на секунду раньше сбросить бомбы. Но наш самолет не успел, бедняга. Мы были уже почти рядом, когда Женин самолет превратился в огненный шар. Нам в который раз казалось, что горят частицы наших сердец. Жене посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. После войны астрономы — ее учителя и коллеги — присвоили ее имя одной из вновь открытых планет, и теперь в просторах Вселенной летает планета "Рудиева".

В 1943 году Октябрьская годовщина застала нас на южном берегу Азовского моря в небольшом рыбацком поселке Пересыпь. Поселок был до того мал, что в нем не нашлось большого дома для

размещения всего полка. Нас расселили по эскадрильям в небольшие рыбацкие домики. К этому времени были освобождены Кубань и Таманский полуостров. Летали на Керчь. На Керченском плацдарме шли упорные бои. Летчики из авиации дальнего действия, с которыми мы как-то оказались на одном аэродроме (мы летали ночью, они — днем), говорили, что зенитная оборона Керчи была сильнее берлинской. Не знаю, насколько это верно, но мне всегда при полете к Керчи приходила на ум когда-то услышанная фраза "небо в алмазах".

7 ноября впервые за полтора года непрерывных боев без единого выходного нам за ужином объявили, что боевой задачи не будет. Принесли по случаю праздника в металлических кружках немного подкрашенного вина и посоветовали организовать по эскадрильям вечера самодеятельности.

Но разойтись по эскадрильям мы не успели. Прозвучала команда: "Рабочие экипажи, на аэродром". Поскольку полеты на ту ночь не были запланированы, машина за нами не пришла. Пришлось добираться до самолетов по вязкой глине пешком. Унты слетали с ног (мне на вещевом складе выдали самые маленькие — 42-го размера. А мой размер — 34-й). Хмель еще не до конца выветрился. Я через определенные интервалы садилась на землю, отказываясь идти дальше. Рая с трудом дотащила меня за шиворот до кабины, а сама пошла выполнять задание. Целью была высота 164 на горе Митридат у Керчи. Значит, если облачность будет ниже 600 метров, придется возвращаться, не отбомбившись, чтобы нас не поразили осколки собственных бомб, имевшие радиус разлета 400 метров.

Уже над Керченским проливом облачность прижала нас до 300-метровой высоты. Но наше внимание привлекал не показатель высоты на приборной доске, а самолет, летевший над нами и синхронно повторявший наши эволюции. Спихватились мы, когда по нам открыли огонь зенитки. Остатки хмеля вмиг улетучились, и, бросив взгляд вниз, я увидела, что мы давно перелетели пролив и цель уже осталась позади. До меня мгновенно дошло также, что над нами не самолет летит, а отраженная в луче прожектора наша тень. Сообщаю об этом в переговорный аппарат Рае. А она не реагирует. Летит себе, как мы договорились еще над проливом, "вперед, на Запад". Как потом выяснилось, отключился переговорный аппарат.

Пришлось перегнуться через открытую кабину, ухватить Раю за плечо и жестами указать на цель позади нас. Рая развернула самолет. Мы отбомбились по цели. Но на аэродром возвратились, естественно, последними. Из-за низкой облачности больше никто не пересек пролив.

На вопрос майора Бершанской "Где шатались?" дипломатично ответили, что задание выполнили, бомбили по цели. Бершанская решила отложить выяснение обстоятельств до следующего дня. От дальнейшего разбирательства нас спасла наш механик Катя Бройко. Осмотрев самолет, она доложила, что мы привезли на плоскостях и фюзеляже дырки от осколков бомб и зенитных снарядов. По случаю праздника мы с Раей избежали крупных неприятностей.

После того, как немцев вытеснили с Керченского полуострова вглубь Крыма, для нашего экипажа началась полоса приключений и курьезов, преследовавших нас вплоть до полного освобождения крымской земли.

Началось с того, что нам с Раей поручили слетать присмотреть поближе к новому району боев площадку для полевого аэродрома. Нам приглянулась симпатичная площадка западнее Керчи, покрытая ровной зеленой травкой. Следовало убедиться в пригодности почвы для аэродрома. Мы легкомысленно, не осмотрев площадку поближе, с бреющего полета, зашли на посадку. Но едва колеса шасси приблизились к поверхности, во все стороны полетели брызги — почва была заболочена. Рая "дала полный газ" мотору, но скорость пробега не увеличивалась, самолет не отрывался от земли. Необходимо было его максимально облегчить — сбросить лишний вес. Но на борту ничего лишнего не было. Я сказала Рае, что кроме меня сбросить нечего. Рая сначала вспыхнула, а затем ей пришлось согласиться. Составили план: я выбираюсь из кабины на землю, бегу рядом с фюзеляжем. Когда самолет наберет нужную скорость и станет отрываться от земли, я, ухватившись за стойку между плоскостями, взбираюсь на нижнюю плоскость, а затем уже на лету с помощью стоек, расчалок и ступеней трапа добираюсь до борта кабины. Так мы и сделали. Другого выхода не было.

В кабину я ввалилась вверх ногами. Случай курьезный, но для меня он едва не закончился весьма печально.

Взлетную площадку подыскал другой экипаж.

Я до сих пор не могу взять в толк, как мне удалось те кульбиты и как мое сердце не выскочило из грудной клетки при той пробежке.

Каждый раз, когда в Москве гремят салюты, мне вспоминается первый увиденный мной победный салют. В мае 1944 года шли решающие бои за освобождение Севастополя. Ночная авиация наносила массированные удары. Небо было насыщено самолетами в несколько ярусов. Сверху тяжелые бомбардировщики, затем другие машины, а в самом низу наши легкие, тихоходные По-2. Со всех сторон рвались снаряды; сверху падали бомбы и ракеты, снизу велся зенитный огонь. Нам поставили задачу работать в этом аду по максимуму. Но как назло именно к этому времени мотор нашего с Раей Ароновой самолета выработал свой ресурс и ему не хватало мощности, чтобы с бомбовой нагрузкой преодолеть в сущности невысокие крымские горы на пути от места базирования полка в районе города Саки к цели — аэродрому в районе Балаклавы. Мы с Раей решили не отказываться от участия в освобождении героического Севастополя. Опасаясь, как бы нас не отстранили от полетов, мы не доложили начальству, что с бомбами не набираем нужной высоты. Как-то, возвращаясь на рассвете с боевого задания, мы заметили не очень широкую седловину в горах. Ночи в мае были достаточно светлые. Мы стали летать по "своей тропинке" с небольшим риском столкнуться с горой.

А перевалив через седловину, мы из-за своего мотора над целью "ползали" ниже всех с риском быть подбитыми осколками собственных бомб. К счастью, всё обошлось благополучно. Из тех полетов многие самолеты возвращались с пробоинами. Поэтому о наших "приключениях в горах" никто не узнал.

Последней нашей целью в Крыму был мыс Херсонес, откуда пытались эвакуироваться остатки выбитых нами из Севастополя оккупантов. Нашей задачей было воспрепятствовать эвакуации этих частей, не дать им воссоединиться с частями, отступающими из Одессы.

Уже подлетая к цели, мы были ошеломлены грохотом, перекрывавшим шум мотора. Воздух над Севастополем сверкал и светился от разрывов снарядов, трассирующих пуль, ракет и лучей прожекторов. Когда оторопь прошла, мы поняли, что это севастопольцы салютуют в честь освобождения Крыма. Мы немедленно присоединились к салюту, выстрелив из бортовой ракетницы несколько цветных ракет.

В 1944 году наш полк расположился в польском имении Далекке. Неподалеку находился наш полевой аэродром. Незадолго до 7 ноября к нам неожиданно единственный раз за всю войну "пожаловала" машина Военторга. И привезла в большом количестве только один товар — шампанское. Конечно, было любопытно, ведь большинство из нас никогда шампанского не пробовали. Наш командир полка Евдокия Давыдовна Бершанская распорядилась: купить по одной бутылке, но хранить до праздника. Очевидно, опасаясь, как бы кое-кто не охмелел с непривычки, ведь до праздника оставалось еще несколько рабочих ночей.

В те дни на меня свалилась неожиданная радость. Фронтальная почта доставила мне письмо от младшего брата Кима, служившего механиком в штурмовом авиаполку. Мне показалось знакомым, очевидно, случайно не зачеркнутое военной цензурой название места базирования его полка. Посмотрела на свою рабочую карту, быстро измерила расстояние, сделала несложные штурманские расчеты и приняла решение искать возможности встречи с братом.

В это время летчица нашей эскадрильи Люся Клопкова готовилась к вылету, чтобы перед рабочей ночью опробовать после ремонта мотор своего самолета. Люся сразу согласилась помочь. Не возражала и командир эскадрильи Дина Никулина⁷. Не мешкая, я заняла кабину штурмана, и мы взлетели. На аэродроме брата мы приземлились в момент построения их полка. Ким от неожиданности смутился. Мне же из-за недостатка времени пришлось проявить несвойственную мне напористость, в результате чего брат получил на праздничные дни отпуск ко мне в полк. Благо их самолеты в эти дни не летали, так как еще не кончилась передышка перед наступлением.

Все наши девочки в полку мне по-доброму завидовали. Все тосковали по дому, по родным. Мы с Кимом написали общее письмо маме, чем, как потом узнали, вызвали немало слез радости и тревоги. Ведь всего двое детей было у нее, дочь и сын, и оба на войне, а война еще не кончилась...

⁷ Жизнь Героя Советского Союза Евдокии Андреевны Никулиной закончилась трагически. Бесстрашная летчица, чуткий командир, прекрасная плясунья, она погибла не от фашистской пули, а от руки бандита — современного фашиста. В Ростове он пришел в дом героини, назвал ее другом фронтового товарища, неожиданно напал на хозяйку, избил ее и трехлетнюю внучку, забрал боевые награды и исчез. Вскоре Евдокия Андреевна скончалась.

Еще одна встреча с Кимом на фронтовых дорогах произошла уже после окончания боев. В начале июня. Все ликовали, во фронтовых газетах публиковались фотографии наших бойцов, расписывавшихся на стенах рейхстага. Нам, ночникам, тоже захотелось увидеть поверженный Берлин при свете дня. Командование выделило нам машины. Полк брата стоял у самого въезда в город. Я к нему заглянула ненадолго. Мы поздравили друг друга с Победой и расстались. Следующая наша встреча состоялась только через два года. Брат не подлежал увольнению при первой послевоенной демобилизации. Когда началась война, он был еще школьником. На фронт добровольцем пошел до наступления призывного возраста. После первой послевоенной демобилизации в авиационных частях осталось очень мало механиков. На учебу из авиации отпускали лишь тех, чей возраст подлежал освобождению от военной службы.

Вот брат и "подзадержался". Правда, упущенное наверстал. Теперь он почтенный профессор. Только растерял за послевоенные годы часть своей некогда пышной шевелюры.

Поездка в Берлин запомнилась мне двумя эпизодами. Один комический. Когда мы чудом (как скалолазы) добрались до крыши разрушенного рейхстага, я очень устала, а сесть было некуда. Рядом стоял большой скульптурный конь. Пришлось взбираться на него и, сидя верхом на рыцарском коне, разглядывать Берлин. Очевидно, при моих тогдашних габаритах я выглядела смешно на массивном не то медном, не то каменном коне. Берлин даже в руинах мне показался красивым. Второй эпизод был трагическим. Мы расположились на обед в Тиргартене, под Берлином. Прибыли походные кухни. Но есть мы не могли. Нас окружили немецкие дети и женщины. Они смотрели на нас голодными глазами. Мы отдали им всю пищу. Иначе мы не могли.

Так же как не могли иначе поступить мы с Раей Ароновой, выполняя наш последний боевой вылет.

Это произошло в ночь с 4 на 5 мая 1945 года. Тогда, даже уже взяв курс на цель, мы не знали, что это наше последнее боевое задание. Вскоре после нашего взлета землю стал быстро покрывать густой туман. Мы решили продолжать полет. Надеемся на прояснение в районе цели, которая была довольно далека, так как фронт быстро продвигался вперед. Но примерно через полчаса начались сбои в моторе. Положение осложнилось: земля под густым слоем тумана — сесть невозможно. Нужно было срочно избавиться от бомб. Но на это мы тоже не могли пойти, так как точно не знали, что и кто под нами — войска противника или населенный пункт с детьми и женщинами. Решили взять курс на свой аэродром, наде-

Май 1946 год. Москва, Красная площадь. Герои Советского Союза (слева направо) Марина Чечнева, Полина Гельман, Раиса Аронова

ясь, что там образуется просвет в тумане. Просвета не дождалась, но неожиданно при свете луны увидели отблеск торчащего над туманом шпиля расположенного неподалеку от нашего аэродрома готического собора. По нему вышли на свой аэродром: увидели световые блики на тумане от красных стартовых огней и ... была не была (ведь неподалеку от посадочной полосы располагалась роща: а под фюзеляжем самолета висели бомбы, готовые взорваться от столкновения с любым предметом) пошли на посадку. Колеса кос-

нулись земли, самолет покатился по направлению к роше, а скорость его не убавлялась. Мы зажмурили глаза, надеясь на чудо. Чудо произошло: самолет остановился в нескольких метрах от деревьев. Ошалелые от радости, мы с Раей выскочили из машины и устроили на глазах у стоящего на краю аэродрома часового нечто похожее на победную пляску индейцев. Этой пляской и закончились наши боевые вылеты.

Все последующие дни полк не получал боевых задач, 8 мая пришло задание бомбить скопления войск противника на Балтийском побережье. В полном снаряжении мы вырулили на старт и ждали команду на взлет. Вдруг от командного пункта к нашему самолету подбежали вооруженцы и начали быстро вывинчивать из бомб взрыватели. Не успели мы прийти в себя от недоумения, как услышали ликующий крик кого-то из вооруженцев: "Штурман! Сбрасывай бомбы! Подписано перемирие! Война окончена!"

Через месяц с небольшим — 12 июня 1945 года — мы вновь сидели в кабинах своих боевых самолетов, ожидая команду на взлет. Настроение было праздничное — мы летели в Москву! Готовился воздушный парад Победы, и наши экипажи были включены в парадный расчет. Парад не состоялся из-за капризов погоды. Но нас не оставляло радостное чувство — мы были победителями!

Слово об авторе

Полину Гельман можно с полным основанием назвать олицетворением кипучего, боевого, революционного XX века. Каждая страница ее биографии так и просится в Летопись этого века, чтобы остаться там навеки, нести правду — суровую и прекрасную правду о нашем поколении, начавшем свою жизнь в годы революции и гражданской войны, отдавшем свою молодость Отечественной войне и честно, самоотверженно служившем интересам Родины на протяжении того полувека, который отделяет нас от Дня Победы.

Родилась Полина 24 октября 1919 года в семье коммунистов-подпольщиков, активных участников гражданской войны. В той войне погиб ее отец. Уже в детстве и юности, которые прошли в белорусском городе Гомеле, она познала суровую школу жизни, полную лишений и революционной романтики. У нее рано возник интерес к истории, к обществоведению, к политике. В период юности нашего поколения события международной жизни и их интерпретация на страницах советской печати рождали чувство опасения за судьбу Отечества и стремление оказаться в нужную минуту полезным и умелым его защитником.

С середины 30-х годов было возобновлено преподавание истории в школе, восстанавливались исторические факультеты в университетах, ощущалась острая потребность в историках-профессионалах нового поколения. Именно тогда Полина решила избрать эту специальность. Выбор привел ее летом 1938 года, когда она с отличием закончила среднюю школу в городе Гомеле, на исторический факультет Московского государственного университета. Тогда я и узнала Полину, оказавшись с ней в одной комнате студенческого общежития на Стромьнке. В 1988 году мы с ней отметили пятидесятилетие нашей дружбы.

Помню ее студенткой истфака, увлеченной историей, активной общественницей, невероятно дружелюбной, искренней, открытой и предельно скромной. Ведь подумать только: мы — ее друзья и товарищи на курсе — долго не знали, что она, будучи школьницей, окончила курсы планеристов в местном аэроклубе и еще в 1937 году совершила свой первый парашютный прыжок с самолета, получив значок парашютиста. Об этом нам поведала ее одноклассница и задушевная подруга Галя Докутович, поступившая в Московский авиационный институт и “живущая небом”.

Полина была упорной и способной студенткой. Она как бы “светилась радостью”, ни к чему не могла оставаться равнодушной, энергично бралась за любое дело, помогала другим чем могла, не терпела несправедливости и всегда активно боролась с ней, в каких бы формах она не возникала.

Такой ее знали и любили на курсе, хотя, конечно, тогда никто не мог предполагать, что с нами рядом будущий Герой Советского Союза, бесстрашная летчица, штурман ночной бомбардировочной авиации. Скромнее и отзывчивее студентки, чем Полина, на нашем курсе не было.

Помню самый трудный период студенческой жизни, когда почти в самый канун войны, осенью 1940 года, объявили, что за обучение в высшей школе надо платить деньги. Платность высшего образования была для нас, студентов-провинциалов, живущих в общегитии, тяжелым ударом. Для Полины — особо тяжелым, так как она не могла даже помыслить о том, чтобы просить у матери, которая еще растила младшего брата, деньги на учебу. Она поступила на работу старшей пионервожатой в среднюю школу, над которой шефствовал факультет. Это дало ей возможность продолжать учиться на дневном отделении. Экзамены она сдавала при этом преимущественно на отлично, без троек. Таких трудных было две сессии. Мы только что сдали последний экзамен за третий курс, как грянула война...

По-разному сложились судьбы студентов-истфаковцев в годы Великой Отечественной. Война разметала нас по стране, по фронтам, по госпиталям, по фабрикам и заводам. Мало кто отправился в эвакуацию вместе с университетом в город Ашхабад.

Полина Гельман в октябре 1941 года добровольно вступила в Красную Армию, была принята на краткосрочные курсы при школе военных летчиков в г. Энгельсе, где легендарная Марина Раскова формировала женские авиационные полки. Она была зачислена штурманом в полк ночных бомбардировщиков, который вскоре был преобразован в 46-й Гвардейский.

В мае 1942 года Полина Гельман в составе этого полка была уже на фронте, начав полный героических подвигов путь от Моздока до Берлина. В своих записках автор как бы боится оказаться нескромным, ограничивает себя, “заземляет” свои подвиги, сводя их к простым поступкам: как она говорит, “это была работа”, “мы на фронте работали”. Как же нужно работать, чтобы за эту работу, продолжавшуюся 1095 дней и ночей, с мая 1942 по май 1945 года, быть удостоенной ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны 1 степени, двух орденов Красной Звезды и 14 медалей (в том числе “За боевые заслуги”), а в итоге — высокого звания Героя Советского Союза.

Передо мной наградной лист, в котором содержится “Краткое изложение личного боевого подвига Полины Владимировны Гельман”, — документ, подписанный 10 мая 1945 года командиром 46-го Гвардейского авиационного полка, гвардии подполковником Е.Д.Бершанской и командующим IV воздушной армией маршалом авиации К.А.Вершининым. В нем сказано: “Тов. Гельман П.В. на фронте борьбы с немецкими захватчиками находится с мая месяца 1942 года. От рядового стрелка-бомбардира выросла до начальника связи эскадрильи. За период боевых действий произвела лично как штурман самолета 860 боевых вылетов на самолете По-2, с боевым налетом 1058 часов. Имеет общий налет 1300 часов. Сбросила, уничтожая войска противника, 113 тонн бомб. В результате бомбовых ударов по врагу был нанесен большой урон”. Далее идет конкретное перечисление, конкретизирующее, когда, где и какой именно урон вражеским вооруженным силам был нанесен, и отмечается, что “тов. Гельман П.В. является активным участником обороны Северного Кавказа, разгрома немецких захватчиков на Кубани, Тамани, на Крымском полуострове, в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии и собственной территории Германии”. В заключение констатируется: “Боевая работа тов. Гельман служит образцом для всего личного состава. Летает исключительно смело, умело маневрируя при попадании в прожектора и в зенитный обстрел противника. Эффективность бомбардировочных ударов высокая”.

Кончилась война, но Полина Гельман продолжала служить в армии до 1957 года. Она окончила Военный институт иностранных языков, овладев в совершенстве испанским. Вышла в запас в звании гвардии майора. В 1970 г. защитила диссертацию, получив ученую степень кандидата экономических наук и звание доцента. До выхода на пенсию в 1990 году работала на кафедре политэкономии в Институте общественных наук, где читала лекции на испанском языке для слушателей, прибывавших из Латинской Америки и Ис-

пании. Это была новая интереснейшая страница биографии П.В.Гельман — новые друзья, новые страны, новые встречи, в том числе и с такими выдающимися деятелями, как Родней Арисменди, Луис Корвалан, с поэтами Николасом Гильеном, Пабло Нерудой и другими деятелями культуры. Но об этом периоде, который составляет одну треть жизни автора записок, следует писать особо. Хотелось бы, чтобы Полина Владимировна поделилась своими воспоминаниями о том интересном, непростом, противоречивом послевоенном пятидесятилетии, которое пришлось прожить и пережить нашему поколению "комсомольцев тридцатых годов".

Профессор В.Селунская

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

Война ворвалась в нашу жизнь в одночасье

5

II

Немцы нас прозвали "ночными ведьмами"

11

III

О друзьях-товарицах

16

IV

Об огнях-пожарищах и боях на пути к победе

30

*Слово об авторе
(В.М.Селунская)*

ГЕЛЬМАН
ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

*О боях,
пожарщиках
и друзьях-товарищах*

Редактор
Г.М.Степаненко
Художественный редактор
Л.В.Мухина
Обложка художника
Л.Е.Безрученкова
Технический редактор
З.С.Кондрашова
Дизайнер на компьютере
И.А.Пащенко

Н/К

ЛР № 040414 от 27.03.92 г.
Подписано в печать 27.03.95 г.
Формат 60x90 1/16 Бумага офсетная № 1
Офсетная печать
Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,38.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1071
Заказное. Изд. № 5904

Ордена "Знак Почета"
издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена
"Знак Почета" изд-ва МГУ.
119899, Москва, Воробьевы горы.

Книги, выпущенные
Издательством Московского университета
к 50-летию Победы

I

Пока стучит сердце.
Дневники и письма
Героя Советского Союза
Евгении Рудневой

II

Голоса из мира, которого уже нет.
Выпускники исторического факультета МГУ 1941 года
в письмах и воспоминаниях.
(Сост., вводные тексты М.Я.Гефтера)

III

Полина Гельман,
Герой Советского Союза.
О боях, пожарищах
и друзьях-товарищах...

IV

Рудаков Б.Н. Много лет пронеслось...
О ветеранах Московского университета